

DOI 10.15826/qr.2018.4.348

УДК 94(470:44)"17/18"+327(470:44)+929Александр(470)*1+929.731Ришелье

**ГЕРЦОГ РИШЕЛЬЕ
НА СЛУЖБЕ ЦАРЯ АЛЕКСАНДРА I И РЕСТАВРАЦИИ:
ПОСРЕДНИК МЕЖДУ ФРАНЦИЕЙ И РОССИЕЙ***

Мари-Пьер Рей

Университет Париж 1 Пантеон Сорбонна,
Париж, Франция;
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**THE DUKE OF RICHELIEU IN THE SERVICE
OF TSAR ALEXANDER I AND THE RESTORATION:
A MEDIATOR BETWEEN RUSSIA AND FRANCE**

Marie-Pierre Rey

Pantheon-Sorbonne University,
Paris, France;
Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia

This paper considers the political biography of the Duke of Richelieu, a prominent figure in Russian and French history. Starting his military career in Russia with participation in the Siege of Izmail, Richelieu returned to the shores of the Black Sea after being invited to Russia by Tsar Alexander I in August 1802. As a friend of Emperor Alexander I, he was appointed governor general of Novorossiya; he proved himself to be a good administrator and contributed to the commercial and cultural flourishing of Odessa which occurred during his rule. When Napoleon invaded Russia in 1812, Richelieu was eager to go to war against the "usurper" but was instead fighting the plague epidemic that struck Odessa in the summer of 1812. After the restoration of the Bourbons, Richelieu left Odessa for France, where he went on to become head of the Council

* Исследование осуществлено в рамках программы международного научного сотрудничества, посвященной истории царской России (XVIII – начало XX в.), возникшей благодаря мегагранту Российской Федерации, полученному Уральским федеральным университетом в 2013 г., соглашение № 14.A12.31.0004 от 26 июня 2013 г.

** *Citation*: Rey, M.-P. (2018). The Duke of Richelieu in the Service of Tsar Alexander I and the Restoration: A Mediator between Russia and France. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 4. P. 1095–1109. DOI 10.15826/qr.2018.4.348.

Цитирование: Rey M.-P. The Duke of Richelieu in the Service of Tsar Alexander I and the Restoration: A Mediator between Russia and France // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 4. P. 1095–1109. DOI 10.15826/qr.2018.4.348 / Рей М.-П. Герцог Ришелье на службе царя Александра I и Реставрации: посредник между Францией и Россией // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 4. С. 1095–1109. DOI 10.15826/qr.2018.4.348.

of Ministers. Nevertheless, Richelieu remembered his Odessa years with warmth, and was about to return to Novorossiya after leaving his position in the French government in 1822; however, death prevented him from doing so. The author stresses the importance of Richelieu's unique experience in Russian and French service for the establishment of European peace after the Congress of Vienna.

Keywords: Armand-Emmanuel du Plessis, Duke de Richelieu; Alexander I; Odessa; Novorossiya; France-Russia relations.

Рассмотрена политическая биография герцога Ришелье, важной фигуры российской и французской истории. Начав свою военную карьеру в России с участия в штурме Измаила, Ришелье возвратился на берега Черного моря по приглашению Александра I в 1802 г. Будучи другом императора, он был назначен генерал-губернатором Новороссии; он показал себя отличным администратором, внес большой вклад в коммерческое и культурное процветание Одессы, которое началось в годы его правления. Когда Наполеон вторгся в Россию в 1812 г., Ришелье был готов отправиться на войну с «узурпатором», но вместо этого боролся с эпидемией, поразившей Одессу летом 1812 г. После реставрации Бурбонов Ришелье оставил Одессу и уехал во Францию, где возглавил Совет министров. Он вспоминал свои годы в Одессе с теплотой и даже собирался вернуться в Новороссию после своей отставки во французском правительстве в 1822 г., но смерть разрушила этот план. Автор подчеркивает важность уникального опыта Ришелье на российской и французской службе для установления общеевропейского мира после Венского конгресса.

Ключевые слова: Арман Эммануэль дю Плесси, герцог Ришелье; Александр I; Одесса; Новороссия; российско-французские отношения.

Узнав о внезапной смерти герцога Ришелье в 1822 г., Александр I отдал ему дань искреннего уважения:

Я оплакиваю герцога Ришелье как единственного друга, который говорил мне правду; он был исключительным образцом чести и верности. Служба, которую он сослужил нам, увековечит в России признание всего благородного. Я сожалею о нем ради короля, который ни в ком не найдет столь бескорыстного бескорыстия (так в тексте. – *М.-П. Р.*); я сожалею о нем ради Франции, которая мало ценила его и которой он, однако же, сослужил и еще должен был сослужить столь великую службу [*СИРИО*, с. 68].

Слова царя, не лишённые критики в адрес французских элит, небезынтересны: они свидетельствуют о том, что в глазах Александра герцог Ришелье, верный слуга русского государя, был замечателен и как министр французского короля. Однако ничто в жизненном пути герцога Ришелье не предвещало, что ему предназначено было сыграть столь важную роль в эпоху Реставрации. Он бесспорно принадлежал к одной из самых старинных семей Франции, с давних пор

близкой к трону; но Талейран, жестоко пошутивший о нем, назвав его «французом, который лучше всех знаком с Крымом», был не так уж не прав: вернувшись в 1814 г. во Францию, герцог выглядел неискушенным человеком, совершенно не знакомым с тайными пружинами французской политической жизни. Тем не менее, именно эта отстраненность, а также особые отношения, связывавшие его с императором Александром I, сыграли ему на пользу в то время, когда главным вопросом было заключение Второго Парижского договора и выполнение его условий на деле. Чтобы понять, в чем заключалась его деятельность, и написана настоящая статья. Автор опирается главным образом на документы, опубликованные в 1886 г. в «Сборнике Императорского русского исторического общества», а также на прекрасную коллекцию писем, написанных герцогом в Одессе и недавно опубликованных [Lettres d'Odessa]. Статья состоит из трех частей. Первая будет посвящена молодости герцога Ришелье и его личным качествам, благодаря которым он рано оказался связан с русским миром. Вторая расскажет о пребывании Ришелье в Одессе, о его роли и об отношениях, которые он сумел завязать с царем Александром I. Наконец, в третьей части, посвященной периоду, с которым историки Реставрации знакомы в наибольшей степени, уделено особое внимание той роли, которую он сыграл во главе французского правительства, его успехам на международной арене, но вместе с тем и трудностям, с которыми он сталкивался вплоть до выхода в отставку в 1818 г.; второй же его срок в министерском кресле, его недолгое возвращение к делам страны в 1820–1821 гг., когда во главе угла стояли вопросы внутренней политики, будет упомянут лишь косвенно.

До Одессы

Мы не будем стремиться к подробному изложению обстоятельств жизни герцога [Waresquiel, 1999; Rambaud], уделив вместо этого особое внимание ярким проявлениям его молодости, весьма бурной и рано познакомившей его с Россией. Арман-Эмманюэль де Виньеро де Плесси, праправнучатый племянник кардинала Ришелье и внук маршала Ришелье, родился в Бордо в сентябре 1766 г. При рождении он получил титул графа де Шинона, а после смерти отца в 1791 г. стал пятым герцогом де Ришелье. В мае 1782 г., когда он был чуть старше 15 лет, его женили на Розали де Рошешуар, девушке умной и образованной, но страдавшей от физического недостатка, развитие которого сделало ее в 14-летнем возрасте горбатой. Это был брак по расчету – супруги практически не жили вместе, хотя испытывали друг к другу уважение, а то и дружеские чувства, о чем повествуют трогательные записи Рошешуар, составленные после смерти герцога [СИРИО, с. 53], – и сразу же после заключения брака юноша вместе со своим наставником аббатом Лабданом отправился в четырехлетнее путешествие (1780–1784), в ходе которого посетил Францию,

Италию, Швейцарию, Голландию и часть Германии. Вернувшись в Париж в 1784 г., он получил придворную должность и чин младшего лейтенанта в драгунском полку.

Уже на этом этапе ярко проявились такие его черты характера, как серьезность, застенчивость, сдержанность и до некоторой степени целомудренность. Эти черты были свойственны и царю Александру I, что послужит их сближению [Рэй, 2013]. Получив хорошее классическое образование (как и царь), он говорил на французском, немецком, английском и итальянском языках, а впоследствии взялся и за русский. Но при дворе ему было скучно: интриги его не привлекали, а в светском обществе ему было неуютно. Граф де Ланжерон, бывший другом Ришелье, напишет о нем, что «ему от рождения дан был ум скорее основательный, чем блестящий, мало подходивший к легкомысленному обществу его времени» [СИРИО, с. 51].

Поэтому, когда в 1787 г. вспыхнула очередная война между Российской и Османской империями, он обратился к королю за дозволением отправиться на службу в царскую армию. Летом 1787 г. ему в этом было отказано, и он вынужден был вопреки своей воле оставаться при дворе, пока – парадоксальным образом! – ему не пришла на помощь революция. Впрочем, по его словам, он понимал революционное движение, лишь когда оно боролось против злоупотреблений во имя «народного счастья» [СИРИО, с. 44].

Ришелье вновь отправился в путешествие. Сначала он приехал во Франкфурт, и, послушав перебранки эмигрантов и обнаружив отсутствие у них политической прозорливости, понял, что ему с ними не по пути:

Я от души хотел бы иметь возможность убедить всех этих многочисленных французов, которые, к моему великому удивлению и к удивлению всех людей, это слышавших, просят и добиваются, чтобы государи объединились в союз и напали на их родину, что это событие будет иметь в высшей степени неприятные и печальные последствия для них самих. В самом деле, они имеют достаточное представление о воцарившемся во Франции головокружении и должны понимать, что при первом же слухе о вторжении немецких войск королева, возможно, сам король и, безусловно, в каждой провинции все, кто похожи на аристократов, как дворяне, так и священники, будут безжалостно истреблены... Я могу, не погрешив против истины, утверждать, что одна из причин, почему французов плохо приняли во Франкфурте, – горячность их речей и требование, чтобы немедленно создавался союз против Франции [СИРИО, с. 166].

Затем он направился в Вену, где повстречал князя Шарля де Линя и графа де Ланжерона. В ноябре 1790 г. эти трое молодых людей, узнав, что русская армия собирается осаждать Измаил, решили оказать ей поддержку. После десяти суток пути они прибыли в Бендеры, где располагался штаб князя Г. А. Потёмкина. Молодой герцог, внимательно наблюдавший за фаворитом императрицы, нарисовал

в своих воспоминаниях яркий портрет, изобразив Потёмкина настоящим восточным сатрапом:

Десять дней и десять ночей путешествия, ужасная усталость, пустынная и неводеланная земля – ничто не подготовило меня к зрелищу, поразившему мой взор в покоях князя: златотканый диван с пышным балдахинном, пять очаровательных женщин, одетых со всем возможным вкусом и богатством, и шестая, во всем великолепии греческого наряда возлежащая на подушках в восточной манере. Князь Потёмкин один сидел рядом с ней, одетый в большую меховую одежду, напоминающую наши домашние халаты. Это его любимая одежда, и часто на нем нет другой, поскольку под ней он может быть почти обнажен. Пятьдесят офицеров всех чинов стояли в глубине комнаты, которую освещало великое множество свечей. <...> Нет ничего невозможного для его могущества. Он господствует над землями от Кавказской горы до Дуная и совместно с императрицей управляет остальной империей. Его богатства неисчислимы, и его мудрое предвидение, позволяющее ему издалека увидеть, что обстоятельства могут стать для него неблагоприятными, подтолкнуло его сделать в Польше приобретение, которое позволит ему укрыться от любых бед. Он купил там земли, которые приносят ему четыре-пять миллионов франков дохода. В настоящее время эти ресурсы ему практически не нужны, поскольку он может по своему желанию черпать деньги из всех запасов империи. Роскошь и великолепие, окружающие его в армии, причудливо контрастируют с бесплодием страны, в которой он ведет войну. Многочисленные столы с пышными яствами, толпа всевозможных лакеев самого разного ранга, актеры, танцоры, оркестр – все, что могло бы послужить удовольствию целой столицы, сопровождает князя Потёмкина среди военных лагерей и бряцанья оружия. Ничто не кажется невозможным этому исключительному человеку [СИРИО, с. 189–190].

Впрочем, молодой герцог не только писал заметки, но и храбро сражался с турками, за что Екатерина II наградила его шпагой с надписью «За храбрость» [СИРИО, с. 62] и Георгиевским крестом. Тем не менее, глубоко опечаленный массовыми убийствами гражданского населения, свидетелем которых он стал во время осады, в конце 1790 г. Ришелье вернулся в Вену, а затем в Париж, ненадолго вновь поступив на службу к королю Людовику XVI. Спустя шесть месяцев, осудив бегство в Варенн и считая, что дело короля серьезно скомпрометировано, он решил вернуться в Россию, но вначале обратился к королю и Учредительному собранию – и на заседании 27 июля 1791 г. получил «паспорт, чтобы выполнить свои обязательства» [СИРИО, с. 239]. Таким образом, Арман Ришелье (в письме, адресованном Ассамблее, он отказался от своих титулов), покинул французскую землю не как эмигрант и беглец, но законно и открыто. Это, впрочем, не помешало властям впоследствии конфисковать его имущество и арестовать Розали, которая будет находиться в заключении вплоть до термидора.

Зимой 1791–1792 гг. в Петербурге герцог Ришелье был произведен Екатериной II в полковники, но затем карьера его забуксовала, и он прозябал, будучи вынужден переносить унижения, которым последний фаворит императрицы П. А. Зубов подвергал французских эмигрантов, приехавших в Россию в поисках какого-нибудь места. Смерть Екатерины в ноябре 1796 г. избавила Ришелье от Зубова; Павел I сделал его генерал-майором, а затем и генерал-лейтенантом. Но, с трудом перенося непредсказуемость, придирчивость и самодурство нового царя, Ришелье вынужден был вернуться в Вену. Этот период, во многом трудный, вместе с тем оказал важнейшее воздействие как на будущую карьеру Ришелье, так и на его жизнь в целом: именно в это время он сошелся с великим князем Александром, наследником российского престола.

Вернувшись во Францию в январе 1802 г., герцог Ришелье надеялся, что его вычеркнут из списка эмигрантов, но эта милость не была ему оказана, поскольку он отказался подчиниться первому консулу Наполеону Бонапарту, которого он, подобно Александру I, называл «узурпатором». Хотя Ришелье казался человеком, настроенным на равновесие и компромисс (при всей своей враждебности к чрезмерному росту личной власти Наполеона он не разделял и взглядов ультрамонархистов), на сделку с собственной совестью он не пошел и, верный своим убеждениям, отказался служить первому консулу с пожизненными полномочиями. А уже в июне 1802 г. он получил письмо от Александра I, который вззошел на престол еще в марте 1801 г. и приглашал его вновь поступить на русскую службу. Не видя перед собой будущего во Франции, Ришелье принял предложение и в октябре 1802 г. прибыл в Петербург. Царь и герцог были рады новой встрече, и в своей частной переписке Ришелье не раз говорил о доброты и дружеских чувствах русского царя – например, в письме своей сестре госпоже де Монкальм от 14 (26) февраля 1803 г. он писал:

В настоящее время император осыпает меня знаками доброты, и я даже осмелюсь сказать, знаками дружбы и самыми настоящими благодеяниями [СИРИО, с. 266].

В самом деле, эти двое, столь схожие чертами характера, образованием, базирующимся на греко-латинских ориентирах, верностью идеям Просвещения и ненавистью к Наполеону, очень быстро построили доверительные отношения. Чтобы избавить герцога от финансовых трудностей (его имущество по-прежнему не было возвращено, а долги его отца не выплачены), Александр I подарил ему владение в Курляндии с приличным доходом (12 тыс. франков ренты, по оценке самого Ришелье), позволившее ему обеспечить как себя самого, так и свою супругу [Там же, с. 47]. Одновременно Александр I, находившийся в мире с Наполеоном Бонапартом, обратился к французской стороне со специальным ходатайством и добился исключения Ришелье из списка эмигрантов.

Однако, несмотря на этот счастливый исход, герцог не вернулся во Францию. Поручив своей жене вести дела и выплачивать долги его отца из курляндских доходов, он решил остаться на царской службе. Александр I именным указом назначил его градоначальником Одессы, даровав ему полномочия в сфере городской полиции, таможни, карантинной службы и общественных построек. Двумя годами позже, в марте 1805 г., царь сделал его генерал-губернатором Новороссии – огромной территории, вошедшей в состав России по итогам ожесточенных войн с Османской империей и Крымским ханством и простиравшейся от Днестра до Кавказа. Генерал-губернаторство Ришелье охватывало Одесскую, Харьковскую, Херсонскую, Екатеринославскую области, а также Крым и Кубань.

Генерал-губернатор Новороссии

Нельзя сказать, что ветеран осады Измаила был очень рад своему новому посту. Ришелье желал служить царю в армии, а ему досталась совершенно иная задача. В его обязанности входило обеспечить безопасность территории, которой угрожали налеты из Османской империи, и способствовать административному, экономическому и демографическому развитию региона, еще лишь в небольшой степени интегрированного в Российскую империю. Ясно видя, какого рода задача ему досталась, он писал весной 1805 г.:

Разумеется, нет ничего более лестного, чем, не достигнув еще сорока лет, получить место, которое до сей поры занимали лишь люди, более значительные как возрастом, так и положением, но масса дел, которая зависит от меня, столь громадна, а ответственность за пограничный край, который некоторым образом нужно создавать из ничего, столь велика, что я не знаю, хватит ли на это моих физических или моральных сил. Я буду стараться изо всех сил [Lettres d'Odessa, p. 16].

Одесса была основана Екатериной II в 1794 г. как военный порт и торговая фактория. Вначале это было небольшое татарское селение. В архитектурном плане основу Одессы заложил проект С. де Воллана, который пожелал возвести ее «согласно строгим правилам планировки», следуя концепции «идеального города, вновь появившейся в Европе в конце XVIII века» [Ibid., p. 6]. В 1795–1796 гг. «были открыты таможня, карантинные помещения, биржа и больница» [Ibid., p. 7], и с первых дней своего существования Одесса начала богатеть и развиваться благодаря торговле хлебом, став в конце XVIII в. главным торговым портом Черного моря.

Тем не менее, город оставался небольшим: в 1803 г., когда туда приехал Ришелье, население Одессы насчитывало по разным оценкам от 5 до 9 тыс. жителей и состояло из «русских, поляков, греков, армян, евреев и нескольких оставшихся турок и татар. Здесь было лишь не-

сколько иностранцев из европейских стран» [СИРИО, с. 70]. Инфраструктура была развита незначительно:

Три фабрики и тринадцать заводов, двадцать три мельницы, шесть церквей, часовня, синагога, больница, погреб и лавки, казармы, дома, лачуги [Lettres d'Odessa, p. 25].

Кроме того, город находился в плохом состоянии: дома были глиносоломённые или бревенчатые, многие здания остались недостроенными, в городе не было ни булочника, ни слесаря, ни столяра, и, чтобы обставить свои апартаменты, герцог был вынужден заказать дюжину стульев в Херсоне! Жители города, пользовавшиеся дурной славой, были предоставлены сами себе:

Все это население, если сказать правду, состоит из людей не слишком порядочных, которым совершенно необходима серьезная полицейская узда. Подобно другим новым селениям, Одесса – прибежище и укрытие всего, что было худшего в окрестных странах [Lettres d'Odessa, p. 25].

Герцогу выпала нелегкая задача, и в своей тогдашней переписке новый житель Юга России не скрывал своих трудностей. Но на кону стояло слишком многое, как в стратегическом плане, так и в экономическом, и герцог, несмотря на недостаток опыта, оказался блестящим организатором и исключительным руководителем.

Сразу же по прибытии в Одессу в марте 1803 г. он приступил к изменению устройства и планировки города, в чем ему оказали помощь французские эмигранты, в том числе его друг и правая рука граф де Ланжерон (после возвращения герцога Ришелье во Францию в 1814 г. именно Ланжерон занял его место в Одессе), маркиз де Траверсе, построивший укрепления Херсона и Севастополя, граф де Сен-При, который стал председателем Одесского торгового суда, и Жозеф де Россе, инспектор портового карантина. Был стремительно реализован грандиозный план работ, включавший в себя «несколько торговых центров, общественные постройки, гидравлические работы, морскую больницу, укрепления, набережные, а также казармы, склады для товаров и частные здания» [Lettres d'Odessa, p. 7]. Город преобразился и в эстетическом плане – спустя несколько лет Одесса, отстроенная из камня в неоклассическом стиле, могла считаться одним из самых красивых городов Российской империи.

С экономической точки зрения герцог Ришелье, сторонник свободы торговли, находившийся под сильным влиянием физиократов, решил превратить Одессу в крупнейший порт империи. С этой целью он действовал на двух фронтах: модернизировал портовые сооружения и одновременно с этим добился от Александра I указа, снизившего на 25 % таможенные пошлины во всех портах Черного и Азовского морей. Эта мера имела особенный успех: всего за несколько лет Одес-

са расцвела как никогда прежде, превратившись в главный порт хлебной торговли в империи и позволив своим жителям отведать кофе, шоколада, вин из Бордо и горчицы из Дижона – все эти товары приходили в Одессу на марсельских судах.

Но герцог не оставлял своим вниманием и долгосрочную перспективу: он поощрял создание учебных заведений – Харьковского университета и лицея, который открылся уже после его отъезда в 1817 г. Кроме того, заботясь о культурном развитии Одессы, в 1804 г. он инициировал строительство театра, которое будет завершено в 1809 г. Заботился он и о внешнем облике городских улиц: уже в 1805–1806 гг. началось строительство тротуаров, а в 1811 г. были установлены уличные фонари, спроектированные французским инженером Базеном, который был в Одессе проездом.

В 1814 г. Одесса, насчитывавшая 40 тыс. жителей, заметно похорошевшая и оздоровившаяся, превратилась в процветающий динамично развивающийся город. Однако деятельность Ришелье не ограничилась самой Одессой. Он занялся сельскохозяйственным развитием Новороссии, способствуя переселению в этот край колонистов из всей Европы (эльзасцев, греков, армян, болгар, немцев, сербов и т. д.). Им было поручено не только интенсивное выращивание пшеницы, предназначенной для последующего вывоза из одесского порта, но и развитие овощеводства, а также, благодаря влиянию французских эмигрантов, виноградарства. В 1805 г. началось разведение овец, а четырем годами позже, в 1809 г., по инициативе агронома и дипломата Пикте де Рошмона из кантона Женева сюда были отправлены 1600 овец-мериносов, из которых 870 довели до Одессы и разместили в окрестностях города.

Трудностей было немало: прибытие в Новороссию мигрантов ставило вопросы жилья, пропитания, логистики, а санитарные условия далеко не всегда были образцовыми, что сильно раздражало генерал-губернатора.

Весьма характерно письмо, которое он в сентябре 1805 г. написал своему сотруднику Самуилу Контениусу:

Прибыв на место, я был весьма опечален, узнав из трех писем, полученных мною от князя Мещерского, что среди немецких колонистов в окрестностях Одессы множатся болезни, а строительство жилищ продвигается чрезвычайно медленно вопреки обещаниям господина Поджо и прекрасной погоде на протяжении последнего месяца. Будем надеяться, дорогой друг, что вы все еще в окрестностях Одессы. Я прошу вас принять самые серьезные меры с целью предупреждения бед, которые я предвижу и перед которыми трепещу, вспоминая опыт минувшего года. Я думаю, что лучше всего создать стационарный пост врача и карантинного хирурга в немецких деревнях, не экономить на лекарствах, приказывать сделать кровати, чтобы колонисты не спали на земле, приготовить для больных питье, составленное из дешевого красного испанского вина и абсента, проследить, чтобы у них было хорошее питание, и в первую

очередь ускорить строительство, чтобы у этих людей была крыша над головой. Я разрешаю вам нанять лишних сто человек... чтобы любой ценой закончить дома, а также, что касается необходимых расходов, связанных с болезнями и удобствами для больных, я разрешаю вам не экономить на них [Lettres d'Odessa, p. 99].

Тем не менее, несмотря на все трудности, колонизация Новороссии была столь успешной, что уже в 1804 г. французский консул, которого вряд ли можно было заподозрить в симпатии к эмигранту, писал:

Нельзя не удивляться множеству появившихся под его началом деревень... <...> Нет дня, в который их не побуждали бы обрабатывать землю. <...> Эта часть обязанностей, взятых на себя господином де Ришелье, распространяется и на Крым; он только что объехал различные колонии, в последнее время там возникшие [Ibid., p. 73].

В 1814 г. Новороссия, насчитывавшая два миллиона разношерстного населения, среди которого мирно уживались друг с другом чиновники, купцы, колонисты, православные русские, немцы-лютеране, французы-католики, татары-мусульмане и евреи, была одним из самых динамично развивавшихся регионов Европы, несмотря на эпидемию чумы, которая обрушилась на Одессу в 1812 г. Однако именно теперь, добившись максимального успеха, герцог навсегда покинул город.

На службе Франции

Хотя нашествие на Российскую империю «сотрясателя мира», как любил называть Наполеона царь Александр I, ужаснуло герцога Ришелье, он не принял участия в войне 1812 г. Чтобы поддержать войну с Наполеоном, он предложил царю все свое имущество, приобретенное после 1803 г., и выразил желание служить в русской армии. Однако Александр I предпочел удержать герцога вдали от театра военных действий и зачислить его только в резервную армию. Кроме того, в августе 1812 г. в Одессе началась чума, продлившаяся шесть месяцев и ставшая причиной 2,6 тыс. смертей в городе и более 5 тыс. – в остальной Новороссии [Lettres d'Odessa, p. 52]. Ришелье был вынужден в первую очередь заняться эпидемией, опустошавшей его город. 31 августа 1812 г. он писал царю:

Сир, я обязан доложить вашему величеству, что в Одессе обнаружилась заразная болезнь, которая представляется чрезвычайно опасной; жертвами ее стали уже около тридцати человек. Я прикрепляю к моему письму описание этой болезни, сделанное врачебным консилиумом, а также мер, принятых в попытке остановить ее. Я надеюсь, что мы справимся с ней, но поскольку моим долгом было сделать так, чтобы эта бо-

лезнь не распространилась дальше, я, не будучи уверен, что она не охватила уже степные деревни, принял решение закрыть всю часть страны, называемую Буг... и я установил заслоны на Буге и Днестре и между этими двумя реками; я предупредил подольского губернатора, чтобы он сделал то же самое со своей стороны, а господина сенатора Милашевича уведомил, чтобы он охранял правый берег Днестра. Невозможно установить, откуда могла явиться эта болезнь; все без исключения моряки, прибывшие морем из Константинополя, находились и продолжают находиться в добром здравии; но каковы бы ни были причины болезни, с моей стороны просто чудовищно в нынешних обстоятельствах удручать сердце вашего величества столь тревожными новостями; тем не менее, совершенно необходимо, чтобы вы были в курсе [СИРИО, с. 384].

Когда же чума была обуздана, а Наполеон изгнан из России (в декабре 1812 г.), разгромлен во Франции (в марте 1814 г.) и вынужден отречься от престола (в начале апреля 1814 г.), встал вопрос о дальнейшей жизни Ришелье. Летом 1814 г., когда Людовик XVIII взошел на французский престол, царь повелел герцогу вернуться во Францию, что Ришелье и сделал спустя шесть месяцев, хотя прощание с Одессой далось ему нелегко.

Прибыв в декабре 1814 г. в Париж, герцог Ришелье стал пэром и первым камер-юнкером, но не получил никакой официальной должности. Поэтому когда спустя несколько недель он отправился в Вену, где с участием царя проходил мирный конгресс, он сделал это как частное лицо. В Вене ему пришлось вместе с Талейраном защищать интересы Франции. Когда как гром среди ясного неба прогремела новость о возвращении Наполеона с Эльбы, Ришелье встал на сторону короля, отправившись вместе с ним в Гент, а летом 1815 г. вернулся в Париж. Именно в этот момент, в июле, Талейран, оказавшись в чрезвычайно трудном положении на переговорах по подготовке Второго Парижского мирного договора, решил разыграть русскую карту и предложил герцогу пост министра иностранных дел. Ришелье отказался, сославшись на недостаток опыта. На самом деле он не мог решиться занять пост в правительстве, в котором всем управляли отвратительные ему Талейран и Фуше. Кроме того, против такого варианта возражал и Александр I, к которому Ришелье по-прежнему был очень близок: после того как Талейран предал царя, заключив против него в январе 1815 г. секретный договор, Александр I желал от него избавиться [Rey]. Через два месяца все изменилось: теперь сам Людовик XVIII, готовый отказаться от услуг Талейрана, предложил герцогу стать председателем Совета министров и министром иностранных дел, надеясь, что его вошедшая в легенду порядочность и близость к царю Александру облегчат дальнейшие переговоры. Ришелье принял предложение короля, но, верный своим нравственным принципам, отказался от «каких-либо отношений с приобретателями

своих старинных имений, проданных как национализированное имущество» [Waresquiel, Yvert, p. 246]; таким образом, его нельзя было обвинить в том, что он использует свое политическое положение для получения каких-либо финансовых дивидендов. Для Ришелье было принципиально важно ни в чем не походить на Талейрана.

В 1815 г. в делах внутренних герцог придерживался умеренных позиций, как, впрочем, и в 1791 г. С его точки зрения, Французская революция была реальностью, которую было уже не уничтожить. Кроме того, будучи убежденным монархистом, он вместе с тем считал нужным строго соблюдать Конституционную хартию и отвергал крайности и эксцессы, в которые впадали ультрамонархисты. Во внешней политике вплоть до подписания мирного договора в ноябре 1815 г. Ришелье прилагал все возможные усилия, чтобы вырвать у союзников хоть какие-нибудь уступки, которые могли бы смягчить положение страны. В этом ему оказал поддержку и Александр I, с конца июня находившийся во Франции и продемонстрировавший свою военную мощь в ходе великолепного военного парада в Вертю 10 сентября. Несмотря на это, условия, навязанные победителями, были чрезвычайно суровы: Франция вернулась к границам 1790 г., ей предстояло пережить военную оккупацию в течение не менее чем трех лет и выплатить контрибуцию в 700 млн франков. Кроме того, французам пришлось согласиться на создание такого института, как совещание послов Четверного союза, собиравшееся дважды в неделю в Париже с целью наблюдения за политическим состоянием Франции и составления соответствующего отчета. Фактически это означало введение внешнего управления, что, с точки зрения герцога, было в высшей степени унижительно и болезненно.

Впрочем, условия мирного договора могли быть и хуже. Благодаря вмешательству Александра I контрибуция была уменьшена с 800 до 700 тыс. франков, а территориальные потери оказались значительно менее существенными. С точки зрения царя, было чрезвычайно важно, чтобы навязанный Франции мир был не слишком унижительным, что могло бы дискредитировать еще хрупкую власть короля, вновь нарушить политическое равновесие и в конце концов дестабилизировать Европу, которая только-только обрела мир [Рэй, 2017].

В месяцы, последовавшие за подписанием мирного договора, герцог Ришелье упорно сражался за улучшение положения страны и вызвал особенное раздражение по отношению к «бесподобной палате»: он считал, что взгляды ультрамонархистов и эксцессы белого террора могут обеспокоить русских и англичан и стать помехой на пути возвращения Франции в международную политику. Напротив, начиная с сентября 1816 г., когда «бесподобная палата» была распущена, руки герцога оказались более свободными, и он смог ускорить освобождение территории Франции, что являлось залогом восстановления независимости и могущества страны. Благодаря выпуску масштабного займа, на который массово подписались французские и европейские

банки, государство в скором времени смогло выплатить три пятых контрибуции, и этот ускоренный платеж, а также тщательное соблюдение условий ноябрьского договора позволили выйти из международной изоляции, навязанной побежденной Францией: осенью 1818 г. Ахенский конгресс (на котором герцог Ришелье неоднократно беседовал с Александром I и не раз заводил разговор об Одессе) ознаменовал окончательное возвращение Франции в европейскую семью и полное освобождение ее территории от оккупационных войск, что было зафиксировано в конвенции от 9 октября 1818 г.

Вместе с тем – и это тоже служит к чести Ришелье – несмотря на дружеские отношения с царем и на благодарность по отношению к нему, он никогда не становился заложником личных связей с Россией. Уже в 1816 г. он сообщал графу де Караману, своему послу в Вене, в чем будет заключаться его дипломатическое кредо:

Мы желаем лишь одного – быть в хороших отношениях со всеми, чтобы исцелить наши раны и болезни, нанесенные Франции двадцатью пятью годами войн и революций.

В то время как Талейран беспрестанно представлял его агентом Александра, герцог твердо заявил:

Не может быть и речи об активном союзе с Россией. Более того, следует избегать всего, что могло бы показаться с нашей стороны поиском особой поддержки со стороны русских (ор cit.: [Waresquiel, Yvert, p. 237]).

Значит ли это, что к 1816 г. герцог Ришелье полностью освободился от своего прошлого, в котором он был генерал-губернатором Новороссии?

В действительности, хотя приказы Александра I и его собственное чувство долга заставили Ришелье вернуться во Францию в 1814 г., хотя он верно трудился на благо Реставации, герцог никогда не испытывал большого удовлетворения на службе Людовика XVIII и французской монархии. В марте 1816 г. он весьма откровенно высказывался на этот счет в переписке со своим бывшим сотрудником, оставшимся в Одессе:

Франция для меня более не имеет никакой прелести. Буйство страстей, ожесточение умов, чрезмерность даже в добрых чувствах – все это делает пребывание в этой стране невыносимым; все еще хуже, если приходится руководить, и практически не видишь возможности изменить что-то к лучшему. Так что я не могу сказать, что был более несчастен в Одессе во время чумы, чем в Париже в шесть месяцев, истекшие с того момента, когда моя несчастная звезда бросила меня в эту пучину. Я здесь, и мне не остается ничего другого, кроме как вырваться отсюда как можно быстрее, с честью, если получится [Lettres d'Odessa, p. 155].

Ришелье навсегда сохранил глубокую привязанность к Одессе и нередко ностальгировал по проведенным там годам. Он продолжал регулярно переписываться с друзьями, бывшими сотрудниками и подопечными, оставшимися в «его» городе, и долго лелеял план вернуться туда и жить там мирной жизнью, как только он сможет окончательно уйти в отставку.

Свой пост Ришелье покинул 13 декабря 1821 г. А уже в январе 1822 г. он писал Контениусу:

Из газет вы могли узнать, что я вновь обрел свободу, и это событие дарит меня надеждой, что я смогу воплотить ваш совет на деле. Ничто не может дать мне большего удовольствия, чем поездка в эти земли, к которым я испытываю столь живой интерес. Мой план определенно состоит в том, чтобы весной направиться на берега Черного моря, и я надеюсь, мой дражайший друг, вы не сомневаетесь в том, с какой радостью я обниму именно вас. Я напишу вам, когда буду близок к прибытию в Одессу, и я льщу себя надеждой, что вы пожелаете встретить меня, после чего мы сможем вместе совершить несколько поездок по стране. Уверю вас, я еще в состоянии ездить верхом, и у меня даже есть несколько прекрасных лошадей, на которых я часто и с удовольствием езжу. Будьте уверены, мой дражайший друг, что мне доставит очень большое удовольствие вас увидеть [Lettres d'Odessa, p. 160].

Но этой мечте не суждено было сбыться. 17 мая 1822 г. герцог Ришелье скончался в возрасте 55 лет от апоплексического удара, к великой печали Александра I, понимавшего, сколь велика потеря: в лице Ришелье умер верный слуга как Российской империи, так и Франции, а также посредник между двумя странами.

Список литературы

- Рэй М.-П.* Александр I. М. : РОССПЭН, 2013. 496 с.
Рэй М.-П. 1814. Царь в Париже. М. : РОССПЭН, 2017. 247 с.
 Сборник Императорского Русского исторического общества : в 148 т. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1867–1916. Т. 54. 1886. XXX + 669 с.
 Lettres d'Odessa du duc de Richelieu (1803–1814) / eds. par E. Polevchtchikova, D Triaire. Ferney-Voltaire : CIEDS, 2014. 296 p.
Rimbaud A. Le Duc de Richelieu en Russie et en France // Rev. des Deux Monde. 1887. Т. 84. P. 618–662.
Rey M.-P. Alexandre Ier et Talleyrand de Tilsit au Congrès de Vienne, retour sur une relation complexe // 200ème anniversaire du congrès de Vienne : Talleyrand l'indispensable, actes du colloque des 8 et 9 juin 2015, Hôtel de Talleyrand, Paris. Paris : Publ. de l'Ass. Les Amis de Talleyrand, 2015. P. 125–137.
Waresquiel E. de, Yvert B. Histoire de la Restauration, 1814–1830 : Naissance de la France moderne. Paris : Perrin ; Tempus, 2002. 512 p.
Waresquiel E. de. Le duc de Richelieu, 1766–1822. Paris : Perrin, 1999. 498 p.

References

- Rey, M.-P. (2013). *Aleksandr I* [Alexander I]. Moscow, ROSSPEN. 496 p.
- Rey, M.-P. (2017). *1814. Car v Parizhe* [The Tsar in Paris]. Moscow, ROSSPEN. 247 p.
- SIRIO* [Collection of Imperial Russian Historical Society]. (1886). Vol. 54. St Petersburg, Tipografiya I. N. Skorokhodova. XXX + 669 p.
- Polevchtchikova, E., Triaire, D. (Eds.) (2014). *Lettres d'Odessa du duc de Richelieu (1803–1814)*. Ferney-Voltaire, CIEDS. 296 p.
- Rambaud, A. (1887). Le Duc de Richelieu en Russie et en France. In *Revue des Deux Monde*. T. 84, pp. 618–662.
- Rey, M.-P. (2015). Alexandre Ier et Talleyrand de Tilsit au Congrès de Vienne, retour sur une relation complexe. In *200ème anniversaire du congrès de Vienne: Talleyrand l'indispensable, actes du colloque des 8 et 9 juin 2015, Hôtel de Talleyrand, Paris*. Paris, Publ. de l'Ass. Les Amis de Talleyrand, pp. 125–137.
- Waresquiel, E. de, Yvert, B. (2002). *Histoire de la Restauration, 1814–1830. Naissance de la France moderne*. Paris, Perrin, Tempus. 512 p.
- Waresquiel, E. de. (1999). *Le duc de Richelieu, 1766–1822*. Paris, Perrin. 498 p.

The article was submitted on 11.09.2018